

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО НА НЕРЕДИЦКОЙ ФРЕСКЕ XIII ВЕКА

Из отдельных сюжетов Нередицкой росписи особое внимание исследователя привлекала так называемая ктиторская фреска: это — одно из немногих портретных изображений в древне-русском искусстве XI—XIII в.в. Она не раз подвергалась изучению, неоднократно описывалась и часто издавалась. И все же ближайшее ознакомление с памятником вызывает ряд вопросов и дает основания к тому, чтобы вновь сделать его предметом обсуждения.

На фреске на синем фоне и зеленой полосе земли изображен князь в виде пожилого человека с довольно длинной коричневой бородой, одетый в красную с орнаментом верхнюю одежду и в собольей шапке с матерчатым верхом²⁾; он держит в правой руке церковь, которую подносит сидящему перед ним Христу. Между фигурами Христа и князя находится длинная, в шестнадцать строк, надпись.

Фреска помещена в нише на западной части северной стены. Такие же ниши, перекрытые аркой, находятся на противоположной стороне здания, т. е., на северной стене, в алтаре — на южной и северной сторонах его, в жертвеннике и в диаконнике; все они,

¹⁾ Срезневский И. И. Надпись в Нередицкой церкви близ Новгорода. Изв. Р. арх. общ. Т. IV. 1863 г.

Прохоров В. Христианские древности и археология, кн. 2, 1872 г.

Он же. Материалы для истории русских одежд. СПб. 1881.

Покровский Н. В. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М. 1890. Стр. 188.

Он же. Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб. 3-е издание. 1910. Стр. 245—246.

Толстой и Кондаков. Русские древности. В. VI. СПб. 1899. Стр. 143—145.

Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб. 1906. Стр. 12 и след.

Суслов В. В. Церковь Спаса-Нередицы близ Новгорода. Памятники древнерусского искусства. Изд. Ак. худ. В. II. 1909 г. В. III. 1910.

Успенский А. И. Фрески церкви Спаса-Нередицы. Зап. Моск. Арх. Инст. Т. VI. М. 1910.

Живопись до-монгольского периода (И. Грабарь. История русского иск-ва. Т. VI). Стр. 144.

Фрески Спаса-Нередицы. Изд. Гос. Русск. музея. Л-гр. 1925. Табл. VI.

И другие.

²⁾ Кондаков Н. П. Изобр. русск. княж. семьи... Стр. 43.

вероятно, одинаково имели только архитектурное значение, так как невелики в своих размерах ¹⁾.

Рис. 14. Изображение князя Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) на Нередицкой фреске XIII в.

¹⁾ По аналогии с другими памятниками принято было считать, что эти ниши, в западной части Нередицы также имели погребальное назначение. Ср., напр.,

Объяснение фрески дал И. И. Срезневский, издав в 1863 году ее надпись. Срезневский прочел эту надпись следующим образом: „...въ о боголюбивыи княже второи Всеволодь, злыя обличая добрыя любя правая кормя. и вся церковныя чины и монастырскыя люди милостивещыи имая. но милостивече кто твои добродетели может исчести. но дажь богъ цѣсарствие небесное съ всеми святыми угожешими ти в бесконныя вски. аминь“ ¹⁾.

Он указал, что выражение „второй Всеволод“ должно быть понято как сравнение, так как „не было обычая отличать князей прозвищем: первый, второй, третий и т. д. В таком же, например, смысле говорилось о Владимире: „се второй Константин в Руси явился“. Под этим Всеволодом следует подразумевать Всеволода Мстиславича, занимавшего Новгородский стол с 1117 по 1136 год, потому что из всех Всеволодов, княживших в Новгороде, один Всеволод, ...сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха, заслужил себе у новгородцев добрую память... покровительством Юрьеву монастырю, построением церкви Ивана Предтечи на Опоках, дарованием ей особых прав... Князь, изображенный на фреске, должен был иметь особенное значение для Нередицкой церкви — это ее строитель Ярослав Владимирович. „К нему одному и может относиться это изображение: он один мог быть изображен... перед спасителем с храмом в руке“. Указывая на „отсутствие начального слова надписи“, „от которой остался только кончик“ (буквы: въ), Срезневский считал, что „в этом стертом слове было имя князя“. „Оставшийся кончик стертого имени... не оспаривает... сделанное заключение: „в начале строки как раз столько места, сколько нужно для шести букв Яросла““. Это объяснение и было принято всеми, кто впоследствии писал о ктиторской фреске ²⁾.

В 1117 году Новгородский князь Мстислав, намеченный преемником отца на Киевском великом княжении, ушел из Новгорода, получив находящийся недалеко от Киева Белгород. Мстислав оставил в Новгороде сына Всеволода ³⁾, повидимому, еще юно-

Окунев Н. Портреты королей-ктиторов в сербской церковной живописи. Byzantion-slavica. Т. II, стр. 80. И. А. Шляпкин полагал, что около ниши с ктиторской фреской был погребен строитель церкви Ярослав Владимирович (Зап. Отд. русск. арх. Русск. арх. общ. Т. XI, стр. 87). В киевских памятниках, в которых такие ниши действительно служили для погребения, они имеют иной характер и находятся в притворе, а не в церкви. См., напр., ц. Спаса на Берестове XI—XII в.

¹⁾ Отсутствие в Новгородской типографии соответствующих знаков не дало возможности точно передать транскрипцию текста; отсылаю поэтому к самой статье И. И. Срезневского.

²⁾ Но дважды ошибочно вместо Ярослава Владимировича указывался Ярослав Всеволодович: в подписях под воспроизведенными фреской у Муратова (уц. соч.) и у Суслова (уц. соч., в. III, стр. 10). Соответствующее же место описания росписи у Суслова (уц. соч., вып. II) следует объединению Срезневского.

³⁾ И. С. Р. А. Т. I, стр. 291; т. III, стр. 4 и 123; т. IV, ч. I, стр. 142; ч. II, стр. 144; т. IX, стр. 150; т. XV, стр. 191—192.

шу, если не ребенка. Несомненно, что Всеволод остался лишь номинальным князем, как бы представителем власти, которая сохранялась за Мстиславом¹⁾. Официально Всеволод был посажен на Новгородский стол лишь 8 лет спустя, в 1125 году, когда Мстислав стал великим князем Киевским²⁾.

Однако, характер отношений Мстислава и Всеволода к Новгороду по существу сохранился прежним и после 1125 года: фактически Новгородское княжение осталось в руках Мстислава. Мстислав отправлял новгородцев в походы³⁾; в 1125 году так же, как и 10 лет назад, новгородский посадник (Даниил) был назначен из Киева⁴⁾. Ко времени после 1128 года, возможно к 1130 году, относится известная грамота Мстислава Юрьеву монастырю, содержание и формулировки которой говорят о том, что полнота власти остается за Мстиславом.

В 1132 году Мстислав умер, и великокняжеский стол перешел к его брату Ярополку.

Отношения Новгорода к Киеву вступают в полосу кризиса. В нем был выражен и общий процесс распада Киевского государства и развитие классовых противоречий внутри самого Новгорода. Годы 1132 и последующие — годы напряженной внутренней социальной борьбы, в результате которой изменяется политический строй Новгорода: возникает так называемая Новгородская республика⁵⁾, причем пересматриваются, с одной стороны, отношения Новгорода к Киеву, с другой — объем власти и прав князя в Новгороде. Развитие событий приводит к ряду конфликтов новгородцев со Всеволодом, которые заканчиваются его изгнанием.

Первый конфликт возникает в том же 1132 году, после того, как Ярополк, отозвав Всеволода на Переяславское княжение, за-

тем опять вернул его в Новгород, так как Всеволода выгнали из Переяславля его дядя. Уход Всеволода из Новгорода нарушал условия („крестное целование“) его княжения, во всяком случае под этим предлогом происходит восстание: новгородцы изгоняют Всеволода и отказываются от своих платежей Киеву. Правда, Всеволода вскоре же возвращают¹⁾, отношения же с Киевом восстанавливаются в следующем году, для чего, впрочем, Ярополку пришлось отправить в Новгород со специальной миссией Всеволода брата, князя Изяслава²⁾.

Через два года происходит новое столкновение, вызванное организацией Всеволодом в союзе с враждебными Ярополку черниговскими Ольговичами похода против суздальских князей, виновников его изгнания из Переяславля. Действия Всеволода вызывают репрессии со стороны Киева: киевский митрополит, который активно вмешивается в ход событий, отлучает новгородцев от церкви³⁾. В Новгороде опять происходят крупные волнения, сопровождающиеся убийствами и казнями; начатый поход срывается сопротивлением новгородцев. Все же Всеволоду удается организовать второй поход. Встреча с суздальским войском приводит к поражению новгородских сил. Всеволод вынужден примириться с Ярополком⁴⁾.

Однако, изменяется самое положение Ярополка. Его княжение проходит в непрерывной борьбе с черниговскими князьями. Новгород вмешивается в эту борьбу, обнаруживая свою заинтересованность в политической ситуации на юге; его посольства пытаются примирить обе стороны⁵⁾. И успех Ольговичей и ослабление Ярополка должны были отразиться на отношениях Новгорода к Киеву, а следовательно, также на положении Всеволода. Конечно, обозначение „Новгород“ следует понимать условно; в социальном отношении он отнюдь не представлял собою единства, и конфликты со Всеволодом и с Киевом были связаны с обостренной классовой борьбой. Опорой Всеволода в Новгороде было боярство, и опорой достаточно сильной, что видно из хода событий. Враждебную же ему группировку летопись, противопоставляя боярам, обозначает, как „новгородцы“ вообще, или „люди“⁶⁾, подчеркивая тем, что против Всеволода выступали широкие слои Новгорода, его пригородов и, видимо, деревни⁷⁾.

¹⁾ Это можно заключить по ряду последовавших событий. На другой год после своего отъезда Мстислав вместе с Владимиром вызывает в Киев новгородских бояр и берет с них „крестное целование“ (П. С. Р. А., т. III, 4; т. XV, 192). В 1120 году из Киева назначается посадник (Борис) вместо умершего в 1119 году Константина Моисеевича (П. С. Р. А., т. III, 5; т. IV, ч. I, 143; ч. II, 144; т. XV, 192). По Новгородским летописям, в 1119 году Всеволод с игуменом Кириаком закладывает каменный собор знаменитого впоследствии Юрьева монастыря (П. С. Р. А., т. III, 5 и 123; т. IV, ч. I, 143; ч. II, 144; т. IX, 151; т. XV, 192), но в действительности и здесь нужно видеть действие Мстислава: новый монастырь получает от него ряд жалованных грамот и в обстоятельных записках двух летописей, которые были известны Амвросию и Н. М. Карамзину, основателем Георгиевского собора назван Мстислав, Всеволод же только закончил его (Амвросий, История рус. цер., ч. VI. Н. М. Карамзин Ист. Гос. Рос. Т. II, прим. 225). Считается, что одним из христианских имен Мстислава было имя Георгий.

²⁾ П. С. Р. А., т. III, стр. 5; т. IV, ч. I, стр. 143; ч. II, стр. 145, стр. 156 т. VII, стр. 26; т. IX, стр. 154; т. XV, стр. 194.

³⁾ 6638 г. „Посла Мстиславъ сыны своя Всеволода и Изяслава и Ростислава; с дружиною их с новгородцы на чюдъ и взяша и дань на них въложи“ П. С. Р. А., т. I, стр. 30; т. III, стр. 6; т. IV, стр. 146; т. VII, стр. 29; т. IX, стр. 156 и др. то же под 6639 г.; т. II, стр. 290.

⁴⁾ П. С. Р. А., т. III, стр. 5; т. IV, ч. I, стр. 145; ч. II, стр. 146.

⁵⁾ Греков Б. Д. Новгородская революция XII в. Ученые Записки Ист. Историч. РАН ИОН. Т. IV. М., 1929.

¹⁾ П. С. Р. А., т. II, стр. 294; т. III, стр. 6; т. VII, стр. 29; т. IX, стр. 156; т. XV, стр. 196 и др.

²⁾ 6641 г. „Князь Ярополк Киевский посла братанича своего Изяслава Мстиславича к Новгороду, да дадут дань на Киев по старине, . . . и тако умиршася и крест целоваша“ П. С. Р. А., т. IX.

³⁾ П. С. Р. А., т. IX, стр. 159.

⁴⁾ П. С. Р. А., т. I, стр. 303; т. III, стр. 62; т. IV, ч. I, стр. 145; ч. II, стр. 147 т. VII, стр. 29; т. IX, стр. 159; т. XV, стр. 197.

⁵⁾ I, IV и V Новгородск. Летописи под 6643 (1135) годом.

⁶⁾ П. С. Р. А., т. III, стр. 7; т. IV, ч. I, стр. 146 и др.

⁷⁾ Термином „люди“ обозначались и городское население и крестьяне-смерды („людей не выводити. . ни смерды ни купцы“ С. Г. Г. и Д., т. I, № 1, 3, 6

Положение в Новгороде к 1136 году становится чрезвычайно напряженным. Есть сведение о том, что Всеволод сделал попытку бежать „в немды“¹⁾. В мае 1136 года происходит восстание: новгородцы, псковичи и ладожане „сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода“. Его арестуют и сажают вместе с женою, тещею и боярами под стражу на епископский двор. Ему предъявляют известные обвинения, в которых мотивы внутренне-политического характера (не блюдет смердов, отъезд в Переяславль) и внешне-политические (выступление против Ярополка, а затем примирение с ним) соединяются с указаниями на недостатки личных качеств (бегство с поля сражения). Продержав под арестом два месяца, до прихода нового князя, Всеволода изгоняют²⁾. Всеволод уходит к Ярополку и получает в княжение Вышгород. Однако те общественные группировки Новгорода, которые его поддерживали, не остаются бездеятельными. „Милостивцы Всеволода“ делают попытку убить нового князя Святополка. Начинается бегство новгородских бояр к Всеволоду. Точно также Псков оказывается на стороне Всеволода. В Вышгород приходит посольство псковичей звать к себе изгнанного из Новгорода князя³⁾.

Известие о возвращении Всеволода в Псков и предполагаемое его намерение вернуться в Новгород вызывают здесь сильное возбуждение: „не въскотеша людие Всеволода“. Усиливается и бегство его сторонников. Новгородцы грабят дома бежавших Константина и Нежаты и „иных много“, выискивают других „бояр-приятелей“ Всеволода, облагая их по полутора тысяч гривен: деньги идут „купцем“ „крутиться на войну“. Святополк со „всей землей Новгородской“, приведя в помощь брата Глеба, курян и половцев, отправляются на Псков „прогонити Всеволода“. Псков, не подчиняясь Новгороду, „ни выгнаша князя от себе“, готовится к обороне. Но на пути это большее по количеству привлеченных участников предприятие против Пскова останавливается: „сдумавше

и др.). Участие в восстаниях 1132—1136 гг. смердов предполагается на основании первого пункта обвинений, выдвинутых против Всеволода (Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси, 1934, стр. 63). Мавродин В. В. К вопросу о восстании смердов. Проблемы истории докапитал. обществ. № 6. 1934. Стр. 80.

¹⁾ П. С. Р. А., т. XXI, стр. 198.

²⁾ П. С. Р. А., т. II, стр. 300; т. III, стр. 7; т. IV, ч. I, стр. 46; ч. II, стр. 148; т. V, стр. 157 и 8; т. VII, стр. 30; т. IX, стр. 159; т. XV, стр. 198. — См. Греков В. Д., упом. соч.

³⁾ Псковские летописцы приписывают инициативу возвращения Всеволода Пскову и подчеркивают сепаратистский характер этого призыва: „тогда псковичи ехавши и бинаа чолом и поаша Всеволода собе“. Подробно описывают торжественное возвращение Всеволода, встречи его в пути и торжественный въезд во Псков. Новгородские летописи в возвращении Всеволода во Псков видят стремление его вновь занять новгородский стол, а призыв его приписывают бежавшим новгородцам и Пскову. Известные по летописи факты не противоречат бы предположению, что Псков действительно стремился оформить свою самостоятельную, расходящуюся с интересами Новгорода, политику, и что Всеволод действительно был позван псковичами к себе во Псков. П. С. Р. А., то же, что и в предыдущем примечании, и т. I, стр. 305.

князь и людье.. възпятившася на Дубравьне, еще рекше, не проливаем крови с своею братьею, негли бог управит своим промыслом. Тогда же преставися князь Всеволод Мьстиславичъ Пльскове“⁴⁾.

Имя этого князя делается патрональным для Пскова. Первый псковский князь, при том князь, которого Псков призывает на княжение сам, вопреки Новгороду, — он становится символом самостоятельности Пскова и его небесным защитником. Следуя житию, составленному в XVI веке и во многом мало достоверному⁵⁾, начало его прославления относят к 1192 году. — году перенесения его мощей из Дмитриевской церкви (где он, по житию, был погребен) в Троицкий собор, или к 1284 году, когда, следуя тому же житию, при его гробе совершилось первое чудо⁶⁾. Ни то ни другое события летописями не отмечены, и первое противоречит известным фактам. Летописи в форме, которая сообщает их записям полную достоверность, говорят о погребении Всеволода в Троицком соборе⁷⁾; что же касается Дмитриевской церкви, то она была построена через 9 лет после смерти Всеволода. В рассказах одной из редакций жития упоминаются, как современники открытия мощей, новгородский князь Ярослав Владимирович, архиепископ Гавриил и псковский посадник Ананья⁸⁾, которые в действительности жили в разное время⁹⁾.

Повидимому, культ Всеволода развивается позже конца XII века; вероятно, в 60-х—70-х годах XIII века, когда в Пскове делается попытка ослабить зависимую связь с Новгородом, и когда Псков вновь самостоятельно саждает на свой стол своего князя — беглеца из Литвы — Довмонта. Действительно, именно с этого времени Всеволод выступает в Псковских летописях как небесный молитвенник за Псков¹⁰⁾. Но ни в этих годах, ни позже, в XIV веке, он не назван святым. Обращение Довмонта или псковичей за молитвами к Всеволоду здесь, повидимому, еще носит тот характер,

⁴⁾ П. С. Р. А., т. I, стр. 305; т. II, стр. 300; т. III, стр. 7—8; т. IV, ч. I, стр. 148; ч. II, стр. 150; т. IV, стр. 177; т. V, стр. 158; т. VII, стр. 31; т. XV, стр. 199.

⁵⁾ Ср.: Ключевский В. О. Жития святых, как исторический источник. М. 1871, стр. 257.

⁶⁾ Голубинский Е. Е. История канонизации русских святых. 1903, стр. 66. Сербский Н. И. Древне-русские княжеские жития. М. 1915. Стр. 257.

⁷⁾ П. С. Р. А., т. I, стр. 133 (1-е изд.); т. II, стр. 301; т. IV, ч. I, стр. 148; ч. II, стр. 150; т. IV, стр. 177; т. V, стр. 158 и 8; т. VII, стр. 31; т. IX, стр. 161; т. XV, стр. 200. „положен бысть во церкви святых троица, тоже бе създад там, в приделе святого благовещенна, на левой стране, и поставивши под ним его меч, иже доныне стоит видим всем“.

⁸⁾ П. С. Р. А., т. XXI, стр. 201.

⁹⁾ Ярослав Владимирович княжил в Новгороде с 1182 по 1184 г., с 1187 по 1196 гг. и в 1197—1199 гг.; Гавриил (Григорий) архиепископствовал с 1187 по 1193 г. Псковский посадник Ананья упоминается в 6873 (или в 6875 году) в связи с перестройкой Троицкого собора (П. С. Р. А., т. III, стр. 229 и 89, т. IV, стр. 192). Повидимому, он то и был действительным современником перенесения тела Всеволода-Гавриила, что должно было произойти вследствие разрушения старого и сооружения нового здания.

¹⁰⁾ П. С. Р. А., т. IV, стр. 181, 182, 184; т. V, стр. 7, 11, 193, 197 и др.

как и обычные обращения к покровительству умершего князя, умерших родителей и т. п., которые по смерти становятся патронами своего рода, дома, города, княжества... Лишь впоследствии, с ростом политического самоопределения Пскова, вырастает и культ его первых князей — Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея¹⁾.

В этом культе Всеволода, как в средстве утверждения политической самостоятельности Пскова, следует указать не только его местный характер (до московской канонизации), но и его определенную направленность против Новгорода²⁾. Характерно, что Новгородские летописи не признают почитания Всеволода и, излагая под 1266, 1271, 1323 и т. д. годами псковские события, исключают имя Всеволода из числа небесных покровителей, помощи которых Псков был обязан успехами своих военных предприятий³⁾.

Очевидно, Новгород помнит свои отношения ко Всеволоду и отдает себе отчет в том, какое значение имеет во Пскове его почитание.

Все это приводит к заключению, что предположение Срезневского и неверно обосновано и мало правдоподобно.

Возникает еще одно возражение. Надпись на фреске, заканчивающаяся заупокойной молитвой, совершенно очевидно имеет в виду лицо уже умершее. Правда, года смерти Ярослава Владимировича мы не знаем: после его удаления из Новгорода в 1199 г. летописи перестают интересоваться судьбой этого „безземельного сына безземельного отца“ (Соловьев), но все же однажды, а именно под 1205 годом, мы встречаем его имя, когда он был изгнан Ростиславом Рюриковичем из Вышгорода⁴⁾. Следовательно он был еще жив значительно позже того, как была расписана Нередица⁵⁾.

Техника древне-русских стеновых росписей — фреска, т. е., живопись по сырой штукатурке. Верхний тонкий слой грунта наносился на стену отдельными участками соответственно тому количеству ра-

¹⁾ Когда в XVI веке в связи с канонизацией Всеволода биограф псковских святых Василий начал составлять его житие, он натолкнулся на полное отсутствие литературы, посвященной Всеволоду („... житие его не свемы и не обретохом нигде“), что вынудило его обратиться к летописям и дополнить их собственными домыслами (П. С. Р. А., т. XXI, стр. 194; Серебрянский Н. И. Древне-русские княжеские жития. Стр. 258). Это указывает на относительно позднее развитие культа Всеволода.

²⁾ Создается, например, легенда о раскаянии новгородцев после смерти Всеволода, о желании их перенести его тело к себе в Новгород и о том, как Всеволод этому воспротивился. Сравни: Костомаров Н. И. Северо-русские народоправства. Т. I, 1885 г., стр. 249.

³⁾ Ср., например, изложение событий 6779 и 6831 годов в IV Новгородской и Псковской летописей П. С. Р. А., т. IV и V:

⁴⁾ П. С. Р. А., т. VII, стр. 112; т. I, стр. 426 (под 6714—1206 годом).

⁵⁾ На это обратил внимание Покровский Н. В. (Стенные росписи..., стр. 188). С настойчивостью повторяя странную мысль о реставрации всей Нередицкой росписи в начале XIII века („вскоре после кончины Ярослава“), он утверждал, что надпись в результате такого поновления оказалась переделанной. Конечно, это не верно.

боты, которая могла быть выполнена до затвердения известки. При внимательном рассмотрении поверхности росписи легко обнаруживаются линии соединения этих участков. Таким образом можно установить последовательность, в которой производилась работа. Заметим, что одним из ее технических правил было исполнение живописи на поверхностях проемов и всяких углублений после росписи прилегающей части стены.

Рассматривая штукатурку в нише ктиторской фрески, можно видеть — и достаточно ясно — край слоя, находящегося с поверхностью арки на поверхность стены, т. е., обычное расположение слоев. Однако, вслед за этим швом у самого ребра ниши находится второй шов другого слоя штукатурки, лежащего на первом. Этот второй слой на восточной стороне арки в одном месте, по краю отпал и обнаружилось, что а) первый слой был расписан (красная кайма обрамления по ребру) и второй слой нанесен на остатки этой расписанной поверхности; б) первый слой вместе с нижележащим, предварительным, слоем штукатурки перед нанесением второго слоя был сбит, срублен и оставлен лишь у самого края ниши с тем, очевидно, чтобы не повредить живописи стены. Следовательно, должен быть сделан вывод, что ктиторская фреска не входила в первоначальный состав росписи и заменила собою какое-то другое изображение.

К тому же выводу приводят и наблюдения над стилистическими особенностями фрески.

Изучая сохранившиеся памятники стеновой живописи XII в. и литературные сведения о росписях, мы должны будем сделать заключение, что, как правило, в это время роспись здания исполнялась небольшим количеством мастеров и часто, как кажется, одним (не считая, конечно, подсобных работников, напр., учеников)¹⁾. В отличие от этого к работам в Нередице было привлечено значительное количество участников²⁾. Одни мастера ярко выражены своими особенностями своей манеры сразу и отчетливо выделяются из общего состава исполнителей росписи; между другими существует более или менее значительное сходство, делающее атрибуцию некоторых изображений более затруднительной. Тем не менее с достаточными основаниями можно прийти к заключению, что вся роспись была исполнена шестью мастерами³⁾. Количественно рас-

¹⁾ Мирожская роспись, Старая Ладога (ср. Артамонов М. И. Один из стилей монументальной живописи XII—XIII в. Сборник Ак. ист. мат. культуры. I. Л. 1929. Стр. 53 и 56); ср. известия о росписях: под 6704—1196 г. („... исплса церковь на вортех архиепископ Мартурий святых богородицы, а писець гръцин Петровиць, лет. въ Синод. списку, стр. 172), а также более позднее, под 6917—1409 г. („подписана церковь св. троицы во Пскове городе, а писал Антоний инок киевлянин с учеником Игнатием, а вископ подписывал Марк псковитянин“ П. С. Р. А., т. IV, стр. 308).

²⁾ Мясоедов Г. К. Спас-Нередицы, статья в издании: Фрески Спаса-Нередицы. Л. 1925. стр. 16.

³⁾ Мясоедов Г. К. и вслед за ним Шевяков Б. насчитывают десять различных мастеров (см. предыдущую ссылку).

пределение работы между ними обуславливалось квалификацией мастера и быстротой, с которой он работал. Наиболее слабыми мастерами сделаны наименее ответственные и небольшие части росписи; с другой стороны, мастер, который писал в более быстрой, беглой манере, исполнил больше, чем другой, работавший в ином характере (это хорошо видно, напр., в росписи барабана). Для примера объема участия в росписи отдельного мастера можно привести работу автора южной части купольной композиции, которому из числа сохранившихся фресок принадлежат еще следующие: три пророка в барабане; „Спас“ над западной аркой; евангелист Марк; архангел Рафаил в южном люнете; вероятно, южная часть евхаристии в алтаре; святители по той же стороне алтаря; Илья, питаемый вороном, там же; „Распятие“ и „Снятие со креста“ на северной стене¹⁾. Мастер огромной композиции „Страшного суда“, сделанной в пять приемов (в той ее части, которая расположена на западной стене), исполнил также большую композицию „Крещения“ и „Рождества“, два праздника на северной стене („Введение“ и „Сретение“), евангелиста Луку в северо-западном парусе и значительное количество единоличных изображений²⁾.

Ктиторская фреска манерой своего письма отличается от работ этих мастеров и в составе Нередицкой росписи не имеет себе аналогии: она принадлежит автору, который не участвовал во всей остальной росписи и который исполнил только одну эту работу.

Иначе говоря, мы вновь приходим к выводу о одновременности портретного изображения и всей росписи.

Отличием мастера ктиторской фрески является более плоскостная трактовка формы и упрощенность приемов письма. Другие мастера Нередицы также подчиняют изображаемую форму плоскостному построению, но все они в своих различных манерах сохраняют определенные приемы пластической характеристики. Более всего различие видно в изображении лиц³⁾. В ктиторской фреске лицо князя (голова Христа, выполненная в тех же приемах, сохранилась хуже) покрыто ровным желтым тоном, по нему сделан темно-коричневый рисунок — и только в некоторых местах, как бы в дополнение к рисунку, положены небольшие притенения (со стороны носа под бровями и по правому краю лба) и слабые, в одну силу, высветления в виде небольших мазков-пятен, размещенных в традиционных местах (над бровями, под глазами, вдоль носа, на щеке и т. д.); на щеке круглым пятном был нанесен румянец, теперь утраченный. И тени и высветления положены небольшими поверхностями, оставляя на большей части лица ровную желтую плоскость: они не имеют цели выявить пластические формы (от-

метим, кстати, отсутствие традиционной моделировки по овалу лица), и лишь помогают рисунку показать отдельные элементы ее.

Роспись Нередицы, исполненная несколькими мастерами, принадлежавшими разным школам и вероятно впервые объединившимися в этой работе, в своем стиле дает сложную картину: здесь нашли свое отражение весьма различные художественные явления. Одни мастера тесно связаны с византийской культурой, но с различными центрами ее, другие представляют те художественные процессы, которые проходили на русской почве, может быть даже именно в Новгороде. В разнообразных стилистических манерах, представленных в росписи Нередицы, мы находим и „более пластическое“ и „более плоскостное“ построение формы, но общим для всех манер будет применение приема светотени. Обычно даются последовательные более или менее постепенные переходы от тени к свету. Это будет или сильная живописная моделировка не только тоновыми, но и цветовыми противопоставлениями, или же манера более плоскостная и вместе с тем более графичная, где моделировка проведена слабо, с небольшими тональными различиями между тенями и светом, и где рисунок получает доминирующее значение. Впрочем, наиболее типичен для конца XII века тот мастер, который расчленяет высветления на отдельные пятна и мазки, схематизируя и даже орнаментализируя их. Эту манеру мы находим и в остальных росписях конца XII и начала XIII веков⁴⁾ (Аржаская роспись 1189⁵⁾, Старая Ладога⁶⁾, Мирожская роспись во Пскове, Димитровская во Владимире⁷⁾ и в многочисленных современных памятниках Византии. Быстрое распространение на Руси нового стилистического направления в византийском искусстве говорит о непрекращающейся тесной связи с ним русской живописи даже в конце XII века. Однако, несмотря на схематизацию положения светов, этот прием, и, в частности, у мастера Нередицы, дает разработанную, хотя и условную, систему построения формы светотенью, пользующуюся градацией тонов.

Отметим мастера, исполнившего „Страшный суд“ на западной стене. Насколько можно судить, учитывая утраты больших поверхностей росписи, им написано большее, чем кем-либо другим, количество изображений, расположенных при этом в наиболее заметных частях здания: при входе на столбах, на нижних частях стен и на хорах. Манера его характерна для группы мастеров: два других участника работы, сходные с ним своими приемами, но значительно более слабые, может быть, два ученика, выполнили роспись небольших поверхностей стен жертвенника

¹⁾ Ср. Фрески Спаса-Нередицы, Л. 1925., таблицы: VI (2), VII (2), VIII, XI, XII, XI (2) XVI (2), XIX (1), XXIX, XXXIII, XXXIV (1), XXXVII (2) XLII, XLIX (1).

²⁾ Там же, табл. LXXVII—LXXVIII, LI, XLIV, XV (1), XVI (1).

³⁾ Особенности изображения одежды князя могли бы быть объяснены ее характером и, в частности, орнаментацией, которая всегда вызывает чисто плоскостную трактовку ткани.

⁴⁾ Артамонов М. И. Один из стилей...

⁵⁾ Частично раскрыта в 1932 году Центр. Госуд. Реставрационными мастерскими.

⁶⁾ Репников Н. И. О фресках церкви св. Георгия в Старой Ладоге. Изв. Комитета изучения древне-русск. живописи. В. I. ПТГР. 1921.

⁷⁾ Грабарь И. Фрески Димитровского собора. Русское искусство, 1923 г. № 2—3.

и диаконика. Кстати сказать — это, несомненно, русский мастер и, вероятно, с выучеником русских же мастеров: употребляя в своих надписях греческие „агиос“, „агиа“ (святой, святая), он, не зная языка, в обоих случаях одинаково ставит артикль мужского рода: „о“, и пишет „о агиа“; произношение некоторых слов, например, „Офръсья“ „Федосия“, типичная мена дич обнаруживает в нем не только русского, но и новгородца. Мастера „Страшного суда“, можно рассматривать как выразителя тех художественных явлений, которые формировались непосредственно в самом Новгороде. Он между прочим ближе других стоит к ктиторской фреске как построением человеческих фигур — большеголовых, с коротким туловищем и непропорционально малыми и тонкими руками и ногами, так и упрощенностью своего письма. Сокращая роль высветлений и притенений, он сводит первые к двум разграниченным тонам жидких и густых белил, кладет их в виде отдельного беглого и несколько бесформенного мазка и очень скупно применяет оттенки. Главное значение имеет рисунок, обладающий характерной особенностью: четкую, ясную, ритмичную линию ранних русских фресок заменяет быстрый несколько широкий тупой мазок, также обычно несколько бесформенный.

Однако мастер ктиторской фрески идет значительно дальше. Отказываясь от объемной характеристики, он с последовательностью покрывает всю поверхность одним цветом, не изменяя его тона, и сводит градацию высветлений и притенений к небольшим бликам-отметкам и слабым теням, которые только подчеркивают рисунок. Рисунок сделан также отдельными мазками (глаза и пр.), также несколько бесформенными, но вместе с тем лишенными энергии и выразительности, которые свойственны фрескам мастера „Страшного суда“. Особенно плоскостна передача одежды; складки падают прямыми, сходящимися углом линиями, блики пробелов положены прямой параллельной штриховкой и т. п.

Главные тенденции в развитии новгородской живописи во второй половине XII—XIII в. в. устанавливаются памятниками станковой живописи. Одной из основных является „демократизация“ прежнего аристократизированного и идеализированного художественного образа, взятого у Византии и освоенного во времена „Империи Рюриковичей“. Я не буду настаивать на термине: если необходимо пояснение, то его может дать сопоставление, например, таких известных произведений, как Никола Новодевичий (XII в.) с Николой из Новгородского Духова монастыря (конец XII—нач. XIII в.) и затем с Николой Липенским (1290 г.), или Георгия из Юрьевского монастыря (первая пол. XII в.) с Георгием на иконе трех святых (XIII в.) в Русском музее, или, наконец, изображение Василия на вратах из села Кривос (XII в.) с мозаикой Киево-Софийского собора (XI в.). Известно, что в это время меняется даже сам подбор изображаемых персонажей: получают распространение иконы святых, почитаемых покровителями различных отраслей сельско-хозяйственной и торговой деятельности, за-

менивших собою прежние языческие божества. Это изменение художественного образа влечет за собою и изменение изобразительных средств и даже техники; иными становятся строение фигур, колорит, рисунок, приемы наложения красок и пр., и, в частности, упрощаются приемы письма и построения формы.

Новое стилистическое течение в станковой живописи появляется первоначально во второстепенных частях произведения, например, на полях иконы „Никола Новодевичий“, которую можно отнести к концу XII века. Но следующий, XIII век, и начало XIV дают большое количество памятников, уже полностью исполненных в этом стиле. Следует отметить здесь, что большинство таких памятников документально связано с Новгородом.

С точки зрения развития стиля фреска с изображением князя отражает явление более позднее, чем остальные манеры Передвижной росписи, а такие несвойственные стенной живописи конца XII в. особенности, как мелочная орнаментировка шимба и трактовка бликов в виде ряда прямых параллельных линий (на гиматии Христа), дают прямые указания на XIII век.

Сличение изданной надписи фрески с оригиналом обнаруживает значительные ошибки, допущенные при ее опубликовании и постоянно повторявшиеся впоследствии при издании и описании памятника. Главным является неверное чтение начала текста, которое в действительности полностью сохранилось и вопреки предположению не содержит имени¹⁾.

В подлиннике надпись читается так:

Нъ о болюбивы княже вто||рѣи Всеволодь злыя обличя до|брыя
любя живая кормя і вся||църквѣныя чины і манасти|рыскыя лики
мстивен||я імаю но о млат||и)вѣче кто твоя до||бродетели мо-
жет||(воспе)ти но даж||дѣ у)бо церствіе|нбсое съ в||семи свѣти|
угожешим||и) ти въ бескон||ч)ныя веки||аминь.

Таким образом, надпись содержит только одно имя. Тем не менее заключение И. И. Срезневского, что выражение „второй Всеволодь“ употреблено не в качестве имени изображенного лица, а в качестве сравнения, нужно признать правильным. Во-первых, потому, что обозначение по порядку имен вплоть до XVIII века не применялось, и, с другой стороны, во всяких похвалах было обычным сравнение с другим, чем-либо прославленным лицом²⁾, и ту форму сравнения, которую мы видим в надписи, можно по-

¹⁾ Нужно, впрочем, сказать, что воспроизведение надписи в литографии, приложенной к статье Срезневского, а также помещенной в его издании: „Древние памятники русского письма и языка“, отличается от воспроизведения ее в наборе и, хотя содержит ряд ошибок, правильно передает начало.

²⁾ Обычно с отцом, напр., сравнение Мстислава Владимировича с Владимиром Мономахом. Ярополка Изяславича с отцом Изяславом (П. С. Р. Л., т. II, под 6678 г.).

стойно встретить как в это время, так и значительно позже¹⁾. Во-вторых, также потому, что никто из князей, сидевших в Новгороде, и носивших имя Всеволода, не мог быть изображен на фреске. Это не мог быть Всеволод-Гавриил по обстоятельствам, изложенным выше, ни Всеволод, сын Мстислава Романовича Смоленского²⁾, ни, наконец, Всеволод Юрьевич, убитый молодым в 1237 году³⁾.

Сюжет фрески сам по себе не может дать определенного ответа на вопрос, кто на ней изображен. В византийском искусстве сцена поднесения Христу или богородице церкви, в виде как бы модели ее, имеет довольно широкий смысл. Обычно, хотя и не всегда, таким образом изображали себя строители здания, или лицо, возобновившее его, украсившее росписью и т. п. Но более общее значение дает роспись капеллы левого нефа ц. S-ta Maria Antiqua в Риме, принадлежащая к числу более поздних росписей этой постройки VI века. Надпись над изображением Теодота, подносящего храм богородице, говорит: „Theodotus primicerio defensorum et dispensatore Sce Di genitricis semperque virgo Maria qui appellatur Antiqua“, т. е., Теодот, подносящий храм богородице, изображен как распорядитель церкви „приснодевы Марии, которая“ (т. е. церковь) „именуется Древней“. Такой же смысл имеют краткие надписи сербских фресок: „ктитор месту сему“⁴⁾. Однако, такая композиция могла иметь и иное содержание: известны изображения различных святых (напр., Петра и Павла, Николая) с церковью или городом в руках, что должно говорить об их покровительстве тому или иному месту; изображения „Веры“ в виде аллегорической женской фигуры с церковью в руках и т. п. Еще один пример следует здесь привести. Среди памятников русского литья XII в. известны в большом числе крестики с рельефными изображениями Бориса и Глеба. Борис и Глеб размещены порознь, на разных сторонах креста, один обращен влево, другой — вправо; каждый из них держит в руке церковь, но жест передачи церкви потерял композиционную связь с фигурой Христа. Здесь несомненно воспроизведено какое-то известное изображение Бориса и Глеба, которое пришлось перекомпоновать, применяясь к форме предмета: вероятно в оригинале обе фигуры стоят друг против друга. Оригинал этот, конечно, находился в Вышгородской церкви, где лежали

¹⁾ См. И. И. Срезневский, уп. сочин.: приведенная выше летописная дитата, называющая Владимира вторым Константином. Напомним обычные в XV — XVI веках сравнения великих князей и царей московских с Владимиром, Константином, с Александром Невским, и Дмитрием Донским в выражениях: второй Владимир, второй Константин... Макарьевские Четьи-Минен называют Александра Невского вторым Константином, новым Владимиром и т. п.

²⁾ И. И. Срезневский, упом. соч.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, 465; т. III, стр. 51; т. IV, стр. 31; т. V, стр. 173; т. VII, стр. 140 — 141.

⁴⁾ Поднесение церкви, вероятно, могло иметь еще более широкий смысл. В русской иконографии XVI века символическая фигура Веры изображается в виде женщины, подносящей богу храм.

тела Бориса и Глеба. Но это не могла быть та икона, которую Ярослав поставил перед входом и на которой князья были изображены обращенными к зрителю, так, чтобы — по словам автора „сказания о Борисе и Глебе“ — входящие в церковь видели их как бы стоящими живыми. И вообще это вряд ли была какая-либо иная икона, так как подобная композиция в иконописи вовсе неизвестна¹⁾. Легче предполагать, что изображение находилось в составе росписи каменной церкви, построенной и одновременно расписанной Владимиром Мономахом в 1113 году. Ни Борис ни Глеб церковью не строили, и, следовательно, здесь была выражена какая-то иная мысль. Возвращаясь к новгородскому изображению, отмечу кстати, что изображение церкви, которую держит князь, имеет не посводную кровлю, какая первоначально была у Нередицы, а другую — четырехскатную. На это обстоятельство следует обратить внимание, так как всегда в сцене поднесения церкви ее строителем основные характерные формы построенного им здания передаются очень точно, настолько точно, что по ним можно бывает реставрировать первоначальный вид памятника²⁾. То, что на нашей фреске изображенное здание не похоже на церковь в Нередице, вероятно, нужно объяснить тем, что эта последняя и не имелась в виду; может быть, художник вообще не имел намерения изобразить конкретное сооружение, а вкладывал в композицию поднесения храма более общую мысль о благоверии князя, о его усердии в делах веры, в делах церкви и т. п., т. е., ту мысль, которая высказана и в надписи. Таким образом, сюжет фрески не есть основание к тому, чтобы видеть в портрете князя строителя Нередицы Ярослава Владимировича, особенно после того, как установлено более позднее происхождение изображения.

Своеобразный характер сообщает фреске ее надпись. Во-первых, надпись сделана не от имени изображенного лица и не по его заказу. Она обращается к нему, как к лицу, уже умершему, и молит для него у бога небесное царство. Во-вторых, она не содержит никаких указаний на постройку, ремонт или иные заботы князя по отношению к Нередице, но является как бы панегирической похвалой ему, которая имеет в виду, я бы сказал, его политическую деятельность, в том смысле, как она понималась современниками. Надпись, таким образом, придает фреске мемориальный характер, фреска является как бы памятником по умершем князе, деятельность которого вызвала сражение его со знаменитым Всеволодом.

После удаления Ярослава Владимировича из Новгорода в 1199 г. его отношения с последним окончательно порываются, и вся дальнейшая судьба его, по видимому, связывается с югом, с Рюриком Ростиславичем и его сыном Романом Рюриковичем, зятем Все-

¹⁾ Ср. Айвазов Д. В. Миниатюры сказания о Борисе и Глебе... СПб, 1911, стр. 28 и след.

²⁾ Напр., в росписи ц. Успения на Волотове поле под Новгородом (Пам. др. русск. искусства. Вып. IV); см. также мозаики Кахрия Джамии и Софии в Константинополе и т. д.

волода Юрьевича. И поэтому нет никаких оснований предполагать, что его, князя незначительного в феодальной иерархии, давно утратившего связь с Новгородом и мало популярного в нем, могли вспомнить в Новгороде после его смерти, и, со специальной целью прославить его деятельность, заказать в Нередицкой церкви новую фреску, уничтожив одно из первоначальных изображений. Невероятным кажется и возможность по отношению к нему такой панегирической характеристики.

Кого могла изображать фреска?

На Новгородском столе в первой половине XIII века, чередуясь, сидят: 1) суздальские князья: сыновья, внуки и племянники Всеволода Юрьевича, 2) князья смоленские: Мстислав Мстиславович с сыном Василием и сыновья Мстислава Романовича—Святослав и Всеволод, и 3) два черниговских князя: Михаил Всеволодович и Ростислав Михайлович. Следует исключить из рассуждения обоих черниговцев: в их авантюрной биографии Новгородский стол был случайным и кратковременным эпизодом; они бросают его ради юга, и там, около Киева и Чернигова, в Польше и Венгрии разбивается вся их дальнейшая деятельность. Смоленские князья занимают Новгородское княжение значительное время. Мстислав и Василий сидели в Новгороде с 1209 по 1218 г. с коротким промежутком в пользу суздальца Ярослава Всеволодовича. С 1218 г. по 1221 год в Новгороде сидели Святослав и Всеволод. Однако, этим временем и ограничились связи смоленских князей с Новгородом. Святослав и Всеволод уходят отсюда к отцу в Киев и впоследствии занимают Смоленский стол: Святослав¹⁾ с 1232, Всеволод с 1239 года²⁾. После них Новгородское княжение уже никогда не попадало в смоленские руки. Мстислав умер в схиме в 1237 году в Смоленске³⁾; его сын, погребенный в Новгороде, умер ребенком⁴⁾. Вот причины, по которым мы не можем видеть в „критической“ фреске изображения этих князей. Следовательно, она должна изображать одного из князей суздальских. Этим самым мы получаем ответ на другой вопрос: какого Всеволода имеет в виду надпись? Из княживших в Новгороде сыновей и внуков великого князя суздальского Всеволода это не мог быть никто другой, кроме самого отца или деда—Всеволода Юрьевича—этой крупной и исторической фигуры конца XII-начала XIII в. О нем скажет впоследствии летописец: „Се есть... всем русским нынешним князьям отец“. Напомню другой текст летописи, в которой выразилась оценка современников—определенной категории современников—этого князя. Сообщая под 6721 годом о смерти Всеволода, летопись дает ему такую характеристику (приведем небольшое место): „...много мужества и дерзости в бранех показав, украшен всеми

¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 36; т. III, стр. 48.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 144.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 181; т. II, стр. 167, 336; т. IV, стр. 131.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 215; т. III, стр. 36; т. IV, ч. I, стр. 197; ч. II, стр. 194; т. V, стр. 172.

добрыми нравы, злые казня, а добромысленныя милуя, бо не туне меч носит, но в месть злодеемь, а в похвалу добротворящим. Сего имени токмо трепетаху вся страны, по всей земле изыде слух его, и вся зломыслы его вда бог ему под руже его... и бог покоряше ему под нозе вся врагы его...“¹⁾). Подчеркнем конец первой фразы. Слова „злые казня, а добромысленныя милуя“ и далее вовсе не являются общим местом, но по своему выраженной, с определенной позицией сделанной, оценкой действительной политики, которую вел (а иногда нужно было сказать: вынужден был вести) Всеволод,—политики, созданной конкретной социальной борьбой, его выдвинувшей. Кто эти „злые“, „злодеи“, на которых обращалась его казнь и месть, понятно не только из истории социальных отношений Владимиро-Суздальской земли второй половины XII века и из истории княжения Всеволода, но и из самого текста летописи²⁾. Я обращаю внимание на эти слова, потому что в краткой форме те же пункты характеристики мы находим в надписи фрески; это—как бы некоторое подтверждение сделанному предположению о значении имени Всеволода.

Всеволод умер в 1212 году. После этого времени в Новгороде княжили: его сын Ярослав, сыновья Ярослава—Федор, Александр, Андрей и Ярослав (Ярослав Ярославич Тверской), Всеволод, сын Юрия Всеволодовича и сыновья Александра Ярославича—Василий и Дмитрий. Учитывая исторические обстоятельства, в частности, факты биографические и особенности отношений этих князей к Новгороду, мы должны будем прийти к выводу, что фреска Нередицы могла изображать только одного сына Всеволода—Ярослава Всеволодовича.

Во-первых, его деятельность по своему характеру и масштабу давала полное основание для сопоставления, сделанного в надписи, сопровождающей изображение: из всех сыновей Всеволода он был наиболее последовательным и настойчивым выразителем политических тенденций своего отца. Во-вторых, его отношения и связи с Новгородом могут объяснить появление его посмертного изображения в Новгородской придворной княжеской церкви; естественно, наконец, видеть в формулировке надписи обычное в похвалах сравнение сына с отцом. С другой стороны предположение, что здесь изображен кто-либо из других князей—суздальцев, нашло бы возражения и было бы трудно объяснимо¹⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 234 и др.

²⁾ Далее приведенного текста говорится, что Всеволод управлял („судя суд“) „не обвиняя сильных бояр, обидящих меньших сирот и насилие творящих“.

В сходном значении выражения „злые“ и „добрые“ употребляет другой летописный текст. В 1209 г. тот же Всеволод, отпустив из похода новгородцев, одарил их „бещисла и вда им волю всю и уставы старых князь, егоже хотеху новгородцы, и рече им: кто бы добр, того любите, а злых казните“ (I Новгородск. лет. П. С. Р. Л., т. III).

³⁾ Федор, так же, как и Всеволод Юрьевич, о котором мы уже говорили, умер в раннем возрасте—14 лет. Александр Ярославич (Невский) умер в схиме

Новгородское княжение Ярослава Всеволодовича отмечается двумя чертами: активной внешней политикой — успешной борьбой с литовской агрессией и широко проведенными колониальными походами и, во-вторых, — настойчиво проводимой тенденцией — усилить свою власть внутри Новгорода. Эта тенденция, встречавшая в Новгороде противодействие и приводившая неоднократно к столкновению Ярослава со Псковом и Новгородом, три раза прерывала его княжение. Тем не менее решавшее дело совпадение внешне-политических интересов и взаимная экономическая заинтересованность Новгородской и Суздальской земель связывает первую с князем Ярославом, может быть, единственным из суздальских князей, способным разрешить эти внешне-политические задачи, и суздальского князя Ярослава политически и экономически заинтересованного в Новгородском столе, — с Новгородом. Ярослав сидел на Новгородском княжении в 6723 году, в 6731 году, в 6733 — 6736 годах и с 6738 года¹⁾. В 6736 году он уходит в свой Переяславль, оставляя в Новгороде сыновей: старшего Федора, которому в это время было 9 лет, и Александра, а с ними Федора Даниловича и тиуна Якима. Призванный в Новгород в 6738 году вновь, он, как и в 6736 году, спустя неделю возвращается к себе в Переяславль, опять оставив в Новгороде Федора и Александра. Находясь в Переяславле, затем на великом княжении в Киеве и по смерти брата занимая Владимирский великокняжеский стол, он таким образом через посредство сыновей и слуг держит в своих руках Новгородское княжение вплоть до своей смерти, в критические моменты лично являясь в Новгород.²⁾ Однако, здесь находятся не только сыновья, представляющие княжение отца, но и другие члены его семьи. В то время, как самого Ярослава мы видим то в Переяславле, то в Киеве, то во Владимире, его жена живет постоянно в княжеской усадьбе под Новгородом, в Гордище, удаляясь отсюда только при отъезде с княжения своих сыновей. Она умерла в 6732 году в Новгороде и была погребена рядом со своим сыном Федором в Юрьевом монастыре³⁾.

В 6754 году по дороге из Орды Ярослав умер. Его тело было перевезено во Владимир и здесь погребено. На похороны отца

и потому не мог быть изображен в светской одежде; кроме того отношение к нему в Новгороде лишает возможности предполагать, что в Нередице помещен его портрет (ср. Шляпкин А. Иконография... Александра Невского. Зап. Отд. русской и слав. арх. Р. Арх. Общ. Т. XI. Стр. 86); наконец, его изображение должно, казалось бы, сопровождаться иной характеристикой: в ней должна была бы быть упомянута его военная деятельность, которой придавалось особенное значение. Деятельность Ярослава Ярославича и сыновей Александра падает гл. образом на вторую половину XIII в. и заканчивается в последней трети его или даже в начале XIV ст., т. е., выходит за пределы, в которых фреска может быть датирована. Андрей Ярославич был связан с Новгородом лишь короткое время своего княжения в 1241 году (ср. Экземплярский. Великие и удельные князья... т. I. СПб. 1889.)

¹⁾ Экземплярский, *у.п. соч.* Стр. 7 и след.

²⁾ Ср. Экземплярский, *у.п. соч.* Стр. 10 и след.

³⁾ П.С.Р.А., т. III, 54; V, 182; VII, 152.

приезжал Александр («...прииде из Новгорода во Володимерь и плака по отцу своему з дядею своим Святославом Всеволодовичем... и з братьею своєю...»¹⁾), который затем вернулся обратно в Новгород.

В этой связи, повидимому, и появилась в Нередице — в церкви монастыря, находящегося при княжеской усадьбе, — резиденции Ярославовой семьи, фреска с изображением князя.

Итак, ктиторская фреска исполнена позже всей остальной росписи. Наиболее вероятным будет предположение, что на ней изображен Ярослав Всеволодович, который надписью сравнивается со своим отцом, великим князем Всеволодом Юрьевичем. Датой фрески в таком случае будет год близкий ко времени смерти Ярослава²⁾. Отсутствие на фреске имени изображенного князя может быть объяснено разн., в частности, утратой этого слова, помещенного отдельно от надписи. Однако, вероятнее всего имя князя вовсе не было обозначено: в глазах современников смысл изображения был ясен, и наименование «вторым Всеволодом» было понятным и достаточным. Так, автор «Слова Даниила Заточника», обращаясь к своему князю, не называет его по имени, но по отцу: «сыне великого царя (князя) Владимира», что дало повод позднейшим переписчикам вставлять в «Слово» самые различные имена³⁾.

Некоторые исследователи, обратившие внимание на фрески, находящиеся на фасадах, над входами, пришли к заключению, основываясь на данных иконографического анализа и исходя, очевидно, из мысли об одновременности всех частей росписи Нередицы, что эти изображения были реставрированы в XIII или в первой половине XIV в., когда в композицию (фрески Успения) были внесены новые элементы, характерные для более позднего времени. Однако, вовсе невозможно предположить, что живопись реставрации сохранилась при почти полном разрушении основного красочного слоя, нанесенного на сырую штукатурку. Но следует согласиться в том, что и иконографические и стилистические (насколько можно судить о стиле по незначительным остаткам живописи) особенности наружных фресок нужно признать принадлежащими более позднему времени, чем внутренняя роспись. Не связано ли одно с другим исполнение этих фресок и ктиторского изображения и не явились ли они результатом каких-то ремонтных работ памятника, которые имели место около середины XIII века?

¹⁾ П.С.Р.А., т. X, стр. 133, 134.

²⁾ Т. е., 6754 — 1246 год.

³⁾ Слово Даниила Заточника. Памятник древн. письменности, XXXI. СПб. 1889. Предисл., стр. 12, 13, 37; Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника, Л. 1932, стр. III.

Отметим, что изображение Христа также не имеет обозначения надписью.